Майскими погожими днями, когда уже вовсю припекало солнце и черемуха укрывалась звездными узорами цветов, Роман собирал рюкзак и в выходной день уезжал на свою полянку, на которую наткнулся, когда бродил со спиннингом по берегу реки в поисках щуки. Наткнулся на это место, посидел на крупном валуне, посматривая на излучину реки, на густые заросли черемухи, что обступили полянку с трех сторон, на старицу, впадающую в реку, и слушал далекий перекат и соловьиные трели со всех сторон. Послушал и остался с ночевкой. И каждый год, когда распускалась черемуха, он собирал рюкзак и торопился на берег реки, чтобы встретить черемуховый рассвет. А зимой долгими вечерами вспоминал, как в предрассветных сумерках заливались соловьи, стараясь перепеть друг друга. И розовело небо, мелькал первый луч солнца и пробегал по водной глади, а он сидел на берегу и наблюдал за черемуховым буйством, за метелью из лепестков, что кружились над поляной и над ним, а вокруг был такой запах цветов, что, казалось, протяни руку и прикоснешься к нему — этому черемуховому рассвету...

На остановке толпился народ. У всех корзины и сумки, а у некоторых лопаты и грабли. Видать, на зиму забирают, а по весне снова привозят. Дачный сезон открыли, едва сошел снег, и все заторопились вырваться из этого каменного муравейника, который осточертел за долгую зиму. Все отправлялись на дачи, чтобы повозиться в земле, сделать грядки и высадить всякую зелень. Да еще нужно с кустами повозиться, подрезать сухие ветки, побелить яблоньки и груши, а придет время, посадить помидоры с огурцами. И так каждый день, каждую неделю, месяц за месяцем, пока не завершится дачный сезон...

Автобус бряцал дверками на остановках, некоторые дачники выходили, другие заходили, и у каждого была поклажа. В окно ворвался ветерок, и сразу сладковато запахло придорожной пылью. Роман стоял на задней площадке. Вполуха слушал автобусные нескончаемые разговоры ни о чем, смотрел на дорогу, на многочисленные дачи, мимо которых проезжали, на дачников, которые уже копошились на своих участках, и провожал взглядом, если попадалась цветущая черемуха. Вся белая и нарядная, а запах от нее...

Поворот, а за ним мелькнула остановка, и чуть погодя автобус заскрипел рессорами и остановился. Пассажиры заторопились. Подхватывали поклажу, спускались по ступеням и, шумно переговариваясь, словно ручейки-живчики растеклись по многочисленным улочкам и переулкам, на ходу осматривая покосившиеся заборы, замечали сухие ветви на кустах и деревьях, а там мусор откуда-то занесло, и тут калитка просела, и думали, с чего начинать свой дачный сезон...

Роман вскинул рюкзак на плечо и неторопливо направился по выщербленной дороге вдоль дачных участков, за заборами которых горели костерки, где сжигали всякий мусор, оставшийся после долгой зимы, собирали опавшие листья и тоже бросали в костер, подрезали ветки и туда же — в огонь. Потянул прохладный ветерок, и тут же пахнуло горьковатым дымком. Донеслись голоса дачников, которые работали и успевали разговаривать с соседями, сами рассказывали и слушали всякие новости. А новостей-то накопилось много, зима долгая. Вот и делились... А бывало, что заходили в гости друг к другу и пили чай из закопченного чайника. Пили тут же на крылечке или на скамейке, разложив старую газету, а на ней горстка конфет, печеньки и нарезанная колбаса с хлебом. А потом опять брались за нескончаемую работу...

Изредка останавливаясь, Роман смотрел на царство золотистых одуванчиков, что разрослись по обочинам дороги, а там клевер мелькнул, а уж крапива-то разрослась: высокая, жгучая, а щи из нее сварить — у, какие вкусные! Трясогузка быстро засеменила по дороге, отвлекая от своего гнезда. Давно уж позади остались дачи. Мимо него проехал рыбак на велосипеде: в сапогах, в фуфайке, видать, с ночевьем останется, пук удилищ привязан, а на багажнике большой и тяжелый рюкзак.

Роман свернул с дороги. По едва заметной тропке добрался до густого кустарника. Остановился и прислушался. Отовсюду доносилось неумолкаемое пение пичуг, которые радовались весне и теплому яркому солнцу. Неугомонные воробьишки с громким чириканьем возились в пыли, и с шумом разлетелись в стороны, а потом снова сбивались в кучки, и ну давай, кто кого перечирикает. А если внимательно прислушаться, то сквозь птичьи хоры доносилось звонкое журчание воды — это большой перекат разговорился, тоже весне радуется и бормочет, и бормочет неумолчно...

Раздвигая ветви, Роман добрался до небольшой полянки с молодой порослью травы. Запахло водой и речными травами. Полянку с трех сторон окружали кусты, а за ними буйно разрослись заросли цветущей черемухи — это было его место, куда он стремился попасть, когда цвела черемуха...

Роман сбросил рюкзак на землю и осмотрелся. Небольшая полянка, уютная. Вон весенним половодьем принесло копешку сена и она, застряв в кустах, поразвесила на ветвях длинные косы прошлогодней духмяной травы. А здесь кострище, и рядом заметны следы от шалашика, который унесло быстрым течением. Это не беда. Недолго новый смастерить. Роман не любил палатки. Ему больше нравилось поставить шалаш, набросать внутрь охапки травы, а потом лежать и слушать ночами, как бормочет перекат на реке, слушать, как спросонья всполошено ворохнется птица в кустах, а вокруг такой запах черемухи, что... Роман вздохнул, вспоминая. Хорошо-то как! А потом нахмурился, взглянув на родник, где было полно мусора. Из-под него едва заметно пробивалась струйка воды и, прячась между камнями, исчезала среди галечника. Роман кивнул головой. Ничего, бедняга, потерпи, расчищу, и снова зажурчишь-зазвенишь.

Роман убрал мусор из родника, потом углубил его. Вода помутнела. Прокопал канавку до речки. Камнями выложил порожки — ступени. И остановился, поглядывая, как постепенно набиралась вода в роднике и, достигнув края, зажурчала-запела, сбегая по подготовленному руслу. Роман закивал головой — хорошо. Часика два-три пройдет, муть исчезнет и под солнечными лучами заискрится вода, заиграет, и закружатся песчинки, поднимаясь со дна, и запоет, зазвенит родник, радуясь, что вернулась сила, и будет журчать-бормотать, все новости рассказывать...

Задумавшись, Роман смотрел на полноводную реку. Пройдет немного времени, и вода начнет спадать, войдет в привычное русло, вдоль берега поднимется камыш, длинные косы распустит по течению роголистник и зашлепает хищник, гоняясь за мелочевкой-сеголетками. Казалось бы, привычная картина, но в то же время каждый год что-то в ней прибавляется, что-то исчезает, но образ самой реки, образы этих картин всегда сохранятся в сердце, и Роман зимними вечерами начинает вспоминать свою реку, свое место и цветущие черемуховые заросли...

Роман взглянул на горы, кое-где покрытые желтыми проплешинами, на стайки деревьев, которые словно взбегали к вершине, на призрачный лес, освещенный яркими солнечными лучами. Вдали виднелось устье старицы, где до сих пор еще сохранилась небольшая запруда. Когда-то, очень давно, там находилась мельница, а вдоль старицы и на берегу реки была деревня. Снесли ее, лишь сохранились остатки осиновой рощи и густой черемушник, куда приезжал Роман каждую весну и все...

Роман стоял и вспоминал, как в детстве вместе с братьями и друзьями пешком добирались сюда. Не забыл старицу, с обрыва которой наблюдали за голавчиками, что разгуливали по поверхности. Сколько лет прошло с той поры, а Роман помнил и деревню, и запруду с осинником и черемушником, и друзей, с кем сюда бегали. Да все, что здесь видел, он не забудет...

Вздохнув, Роман огляделся и принялся за шалаш. Неторопливо делал, добротно, чтобы на весь сезон хватило. Широкий получился шалаш, просторный, с охапками духмяного сена. Нависшие ветви прикрывали его сверху, кустарник загораживал от сильного ветра. Перед входом горел костер, постреливая искорками, а рядом лежало бревно, на которое уселся Роман, достал несколько картофелин и закопал в угли. Потом вскипятил воду в котелке, бросил в него листья смородины, щепотку заварки и поставил рядом с огнем, чтобы чай настоялся, а сам уселся на берегу и посматривал на бормочущий перекат, что сверкал под вечерними лучами солнца. Глядел на остров, что был неподалеку, сплошь заросший кустами и деревьями, который отбрасывал черную тень на стремительную воду. Слушал пение птиц, что никак не могли угомониться в густом черемушнике, и опять, невольно, переводил взгляд на устье старицы — туда, где стояла когда-то деревушка. Стояла, а сейчас... Сейчас ничего не осталось, кроме воспоминаний...

Поднявшись, Роман подошел к костру, присел на бревно и веткой выкатил из горячих углей картошку. Обжигаясь, схватил одну и начал дуть, чтобы немного остудить. Не выдержал, заойкал, соскреб пригоревшие места, разломил, вдохнув духмяный запах, посыпал крупной солью, немного откусил и зажмурился от удовольствия. У, как вкусно!

Дотянувшись до луковицы, Роман сильно сдавил ее в ладонях, чтобы была сочнее, разрезал на четыре части, содрал кожуру, круто посолил и, откусив кусочек картошки, бросил четвертинку лука в рот и захрустел,— а так еще вкуснее!

При свете костра он смотрел на сгущавшиеся вечерние сумерки, уплетал вместе с кожурой печеную картошку, похрустывал луком, мелкой молоденькой редиской и запивал душистым чаем со смородиновым листом.

Потом подбросил хворост в костер, наблюдая, как взметнулись искры, выстреливая в темное небо яркими точками, как весело заиграли языки пламени, освещая черную гладь воды. Набросив на плечи старую полинявшую штормовку, Роман долго сидел возле костра, посматривая на огонь, прислушиваясь к ночной тишине, откуда изредка доносились звуки переката, шорохи потревоженной птицы, глядел на огромное черное небо, где ярко светили, перемигиваясь, далекие звезды, и чувствовал себя маленькой пылинкой, частичкой большого и необъятного мира...

А едва забрезжил рассвет, Роман тихонечко выбрался из шалаша, зябко передернув плечами, подошел к костру, где едва теплились огоньки пламени. Он оглянулся. Странное и беспокойное чувство охватило Романа, но в тот же момент был какой-то восторг в душе, когда оказался внутри предутренних сумерек. Редко виднелись далекие звезды, едва заметный порыв ветра и холодок проскользнул по телу, он поежился, вдохнул и задержал в себе ароматы воды, влажной травы, и утреннего тумана. Посидел, осматриваясь, а потом принялся подбрасывать в костер сухие ветви. Затрещали они, охватывая теплым воздухом, постреливая искорками и, вскоре загудело пламя, разгораясь все сильнее и сильнее.

Роман сидел на камне, а перед ним медленно таяли остатки клочкастого тумана,

он смотрел на открывающую водную гладь, на остров, где в предутренних сумерках горбатились неведомые животные, а неподалеку раздался всплеск — это хищник вышел на охоту. Понемногу стали проявляться кусты и деревья, отбрасывая на воду темные тени. Казалось, веселее забормотал, закартавил перекат, радуясь новому дню. При свете костра поблескивала вода в роднике и журчала по сделанным порожкам, словно колокольца звенели в предрассветных сумерках. Заворочались спросонья птицы, зашуршали ветвями. Роман разогрел чай, раздвинул угли и бросил в ямку две-три картошки — завтрак. Посмотрел на небо, где пролегли светлые полосы. Вот-вот, еще немного и из-за гор мелькнет первый луч солнца. Взглянул в сторону старицы, а потом повернулся и посмотрел на горы, на устье старицы и многочисленные заросли черемушника, что были разбросаны вдоль реки, где стояла раньше деревня.

Небо все ярче окрашивалось в голубовато-розовый цвет, освещая редкие облака. Где-то в кустах одиноко щелкнул соловей, словно не решаясь нарушить утреннюю тишину, но вслед за ним уже смелее защелкал второй, третий, пятый и... И вскоре разнеслись соловьиные трели, перекрывая картавое бормотание переката и радуясь новому дню, и еще мгновение, мелькнул первый луч солнца, пробежал по сонной воде, оставляя сверкающую дорожку, задел, зацепился за кипень черемухи, окрашивая ее в бело-золотистый цвет, и вспыхнула она, разгораясь все ярче и наряднее. Всколыхнул утренний ветерок чудо весеннее, и Роман почувствовал резкий и густой аромат, словно облако опустилось на полянку, окутывая округу горьковатым привкусом цветущей черемухи. Он сидел, а над поляной и над речной отмелью закружился белый буран из черемуховых лепестков, сорванных утренним ветерком, и они медленно опускались на землю, покрывая ее тонким белым покрывалом.

Он смотрел по сторонам. На душе был покой и непонятный восторг, а ненужная суета забывалась и исчезала. Роман сидел на берегу, и в то же время над рекой, а вокруг него были цветущие заросли черемухового рассвета...

Утро нового дня.